Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!"

ГИ200 р
Ц554

Клара Цеткинъ.

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ и МИРЪ ВЪ РОССІИ.

Цѣна 15 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго К-тета
Совѣтовъ Р., С., К. и К. Депутатовъ.
МОСКВА—1918.

4-экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2005

ГИ200
Ц554 Р
4

492773

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.

13. VIII. 918. Лозанна.

Л. С.

Снова обращены глаза всѣхъ жаждущихъ мира народовъ всего земного шара на Россію, и на этотъ разъ съ еще болѣе страстнымъ напряженіемъ. Длительность и обострѣніе всемірной войны усилили во всѣхъ странахъ жажду мира, а грандіозная русская революція придвигаетъ возможность достиженія мира, какъ реальнаго факта, при томъ условіи, конечно, что воюющія стороны хотятъ мира, потому что миръ имъ необходимо нуженъ.

Какъ и въ февралѣ, революція въ Россіи развернулась съ гигантской мощью. Та же революція, но одновременно и не та. И теперь носителями новой революціи являются пролетаріатъ большихъ промышленныхъ центровъ во главѣ съ соціалъ-демократіей, значительная часть крестьянства, мелкаго мѣщанства и солдаты.

Но и цѣль новой революціи, и пути къ этой цѣли выходятъ рѣшительно и безусловно

за предѣлы февральской революціи. Первая революція заставила, правда, русскую буржуазію и либеральничающую часть дворянства отказаться отъ идеала напомаженнаго и завитого государственнаго переворота, который передастъ кормило власти изъ однѣхъ рукъ въ другія. Съ кисло-сладкой миной пришлось ей согласиться на разгромъ царской власти, которая оказалась такимъ вѣрнымъ защитникомъ капиталистическихъ интересовъ. Но по своему существу она была буржуазно-политической революціей, которая главнымъ образомъ должна была ограничиться тѣмъ, чтобы изъ Россіи сдѣлать самую свободную демократическую республику въ мірѣ, задача сама по себѣ большая и большой исторической важности.

Чтобы въ огнѣ всѣхъ ужасовъ и тягостей всемірной войны и созданнаго этой войной положенія въ Россіи осуществить эту цѣль и, такимъ образомъ, создать лучшія условія для будущей пролетарской борьбы, соединилось правое соглашательское крыло русской соціалъ-демократіи—меньшевики и правые соц.-рев.—не только съ мелкобуржуазной и крестьянской демократіей, но и съ либеральной бюро-

кратіей, ко орая нашла себѣ вождя и выразителя въ кадетской паріти. Обѣ эти соціалистическія группы были убѣждены, что при общественной структурѣ и данной ступени экономическаго развитія Россіи, пролетарскія и крестьянскія массы не будутъ въ состояніи сами завѣдывать и хозяйничать наслѣдіемъ, попавшимъ, благодаря революціи, въ ихъ руки.

Только объединеніе всѣхъ слоевъ общества могло, по ихъ мнѣнію, дать окончательную побѣду революціи и позволитъ ей развить всѣ ея творческія силы.

И вотъ начались, послѣ бурныхъ февральскихъ дней, медовые мѣсяцы „демократической“ власти въ Россіи, безъ борьбы классовъ въ болѣе значительныхъ размѣрахъ.

Послѣ того, какъ разорваны были всѣ старыя политическія оковы, различные классы русскаго общества не встали въ стихійной борьбѣ одинъ противъ другого, а—неслыханный примѣръ въ исторіи—они начали дѣйствовать въ полной гармоніи: капиталистическій волкъ и пролетарскій ягненокъ паслись мирно бокъ-о-бокъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось, и многіе, которые хотѣли этого,

приняли горячее пожеланіе своего сердца за реальную дѣйствительность.

Политическое положеніе, созданное февральской революціей, выразилось въ рядѣ смѣнявшихъ другъ друга временныхъ коалиціонныхъ правительствъ. Мѣнялись партійныя группировки и мѣнялись личности, но у всѣхъ этихъ правительствъ были двѣ общія черты. Внутренняя политика стояла подъ знакомъ единенія „революціонной“ демократіи съ буржуазіей, внѣшняя—подъ знакомъ союза Россіи съ имперіалистическими западными державами. И такимъ образомъ, и въ революціонной Россіи, по приказу всемірнаго имперіализа, соединено было въ одно то, что непримиримой классовой борьбой обречено было на разъединеніе, и разорвано то, что вѣчно живая солидарность стремится слить воедино.

Но классовыя противорѣчія не позволяютъ шутить надъ собой. Ихъ не устранятъ диспуты ученѣйшихъ головъ, не прельстятъ хитрѣйшіе политиканы, не укротятъ кулаки, не устрашатъ демократическія декламаціи златоустовъ. Эти классовыя противорѣчія снова и снова

будутъ появляться на страницахъ исторіи и будутъ требовать своихъ правъ. Возстанія, голодные бунты, крестьянскіе безпорядки, всевозможныя ограниченія и уничтоженіе только-что данныхъ свободъ—все это и многіе другіе симптомы указывали на то, что, несмотря на всѣ поклоны въ сторону революціонной демократіи, классовыя противорѣчія въ Россіи должны были найти себѣ выходъ въ классовой борьбѣ.

Союзъ „революціонной" демократіи съ буржуазіей превращался съ каждымъ днемъ все больше и больше въ узы, въ оковы, наложенныя на революціонныя силы страны. Обновленіе, стройка общественныхъ отношеній на новыхъ, болѣе высокихъ началахъ, отодвигалась въ туманную даль.

Въ это время не было никакихъ коренныхъ соціальныхъ реформъ въ пользу пролетаріата, крестьянства и мелкой буржуазіи.

Даже закрѣпленіе политическаго наслѣдства февральской революціи, въ лицѣ Учредительнаго Собранія, откладывается съ мѣсяца на мѣсяцъ. Ни одного рѣшительнаго шага,

чтобы провести въ жизнь требованіе революціонной демократіи: миръ безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народовъ.

Конечно, рѣшительный шагъ былъ именно при данныхъ условіяхъ особенно труденъ. Слѣдствіемъ такого шага не должно было быть усиленіе имперіализма одной воюющей группы за счетъ другой, что повлекло бы за собой уничтоженіе первыхъ ростковъ демократическаго развитія кирасирскимъ каблукомъ реакціи. Послѣдствіе такого шага надо было разсматривать съ точки зрѣнія дальнѣйшаго политическаго развитія, и съ этой точки зрѣнія миръ былъ средствомъ, позволяющимъ побороть имперіализмъ всѣхъ странъ, миръ который былъ необходимымъ условіемъ для того, чтобы революція была въ состояніи вспахать всю Россію вглубь и вширь.

Со все растущей горечью, съ отчаяніемъ въ сердцѣ видѣли трудовыя массы, что одно временное правительство за другимъ продолжаетъ проливать кровь и потъ народа для имперіалистическихъ цѣлей. И неизбывныя

бѣдствія этихъ народныхъ массъ были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Въ настроеніи массъ, въ міровоззрѣніи рабочихъ, солдатъ и крестьянъ и ихъ организаціяхъ—въ Совѣтахъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ—въ этомъ позвоночномъ хребтѣ революціонной демократіи происходитъ переломъ. Имъ становится яснымъ, что дальнѣйшая сдѣлка съ буржуазіей гибельна и что положеніе требуетъ отъ нихъ захвата власти въ собственныя руки. Восторжествовалъ въ этомъ процессѣ выясненія дѣйствительности лозунгъ большевиковъ, лозунгъ, выставленный ими съ самаго начала революціи. Власть въ Совѣтахъ переходитъ изъ рукъ умѣренныхъ соціалистовъ въ руки радикальныхъ большевиковъ, вліяніе которыхъ, поддерживается интернаціоналистическимъ крыломъ соц.-рев. Убѣжденіе есть воля и эта воля стала дѣломъ.

Тѣнь грядущаго великана революціи, ея предвѣстникъ, появилась уже тогда, когда въ іюлѣ петроградскій пролетаріатъ возсталъ, чтобы заставить тогдашнее временное прави-

тельство обѣими ногами стать на уже принятую платформу мира.

Брошенное оземь, залитое кровью, какъ въ дни царизма, іюльское движеніе принудило, однако, выбросить изъ правительства имперіалистическихъ вождей, опредѣлить болѣе точно формулу мира, чтобы такимъ образомъ прекратить дипломатическую игру «разъясненія» этой формулы въ духѣ затягиванія этой войны. И вотъ въ октябрѣ великанъ—революція во весь свой ростъ встала предъ всѣми.

Одушевляемый и направляемый большевистскими лозунгами, Петроградскій Совѣтъ первый поднялъ знамя возстанія трудящихся массъ противъ Керенскаго. Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ взялъ это знамя изъ его рукъ и сдѣлалъ его своимъ общимъ знаменемъ.

Правительство соглашательства революціонной демократіи съ имперіалистической буржуазіей перестало существовать.

Большевики безгранично храбрымъ натискомъ достигли своей цѣли. Власть теперь въ рукахъ Совѣтовъ. Диктатура пролетаріата,

или лучше сказать, диктатура всего трудящагося народа, теперь—совершившійся фактъ. Диктатура всего трудящагося народа, ибо вокругъ пролетаріата большихъ промышленныхъ центровъ, этого кристаллизаціоннаго ядра всѣхъ революціонныхъ силъ, сплотились крестьяне и мелкая буржуазія въ рабочей блузѣ и солдатскомъ мундирѣ. Революціонная идиллія, которая совершается общими силами всѣхъ классовъ кончилась. Въ тяжелой гражданской войнѣ должна революціонная демократія бороться за свою власть.

Не ставятъ ли всѣ эти факты всѣ наши ученія о зрѣлости общественныхъ условій, какъ необходимомъ условіи такого «переворота», какой теперь произошелъ въ Россіи, вверхъ ногами? И не есть ли «отсталость» экономическаго развитія Россіи и ея народныхъ массъ, не есть ли степень различія между исторической дѣйствительностью и исторической цѣлью, смертный приговоръ, вынесенный большевистскому возстанію, а тѣмъ самымъ смертный приговоръ и самой революціи?

Такъ думаютъ не только соціалисты за

границей; такъ думаютъ умѣренные соціалъ-демократы и соц.-рев. и въ самой Россіи. Эти тоскливые вопросы заставили ихъ—насколько можно судить по газетамъ—уже передъ лицомъ совершившагося большевистскаго переворота трусливо усомниться въ революціонной силѣ трудящихся массъ и на могилѣ власти Керенскаго лелѣять надежду на либеральную буржуазію. Россія—страна аграрная, большіе центры капиталистической промышленности съ ихъ революціоннымъ пролетаріатомъ лежатъ далеко другъ отъ друга и разбросаны по всей странѣ. Пути сообщенія мало развиты. Степень зависимости пролетаріата отъ крестьянской идеологіи еще очень велика. Широкія массы состоятъ изъ неграмотныхъ, нѣтъ у нихъ сильныхъ организацій съ туго набитыми кассами, нѣтъ политической вышколенности, вырабатываемой выборами, избирательными кампаніями и парламентаризмомъ. Не есть ли это легомысленная авантюра—въ такихъ условіяхъ желать диктатуры пролетаріата?

Это звучитъ очень вразумительно, но не убѣждаетъ ничуть. Нельзя, конечно, закры-

вать глаза на неслыханную трудность положенія, создаваемую вышеуказанными условіями. „Необходимая зрѣлость“ матеріальныхъ условій и людей для революціи есть формула, въ которую дѣйствительность вдохнетъ жизнь и содержаніе, а эта дѣйствительность не позволяетъ втиснуть себя въ ту или другую схему. Историческій матеріализмъ не есть сборникъ готовыхъ рецептовъ для врачей и знахарей и аптекарей историческаго развитія человѣчества. Экономическое и соціальное развитіе Россіи надо мѣрить ея собственной мѣркой, а не аршиномъ старыхъ культурныхъ странъ Европы. Это развитіе соединяетъ въ себѣ во многихъ отношеніяхъ Азію, Европу и Америку, взятыя вмѣстѣ. И если русскій народъ не прошелъ той школы культуры, которой для Средней и Западной Европы былъ цеховой городской строй—на это указываетъ ея искусство, а особенно ея архитектура, какъ самое соціальное изъ всѣхъ искусствъ,—то зато онъ не придавленъ всѣми мелко-буржуазными традиціями и связями, которыя у насъ тяжелымъ гнетомъ лежатъ на рѣшимости массъ. Но оставимъ все это въ сторонѣ. Условія и

люди созрѣли для революціи, когда широкія массы ощущаютъ нестерпимую тяжесть; когда онѣ перестаютъ вѣрить въ желаніе и способность правящихъ классовъ снять съ нихъ это бремя; когда эти массы начинаютъ вѣрить въ собственныя силы,—это говоритъ больше, чѣмъ всякая схоластика.

Ряды тѣхъ, на которыхъ опирался Кромвель, навѣрное состояли въ своемъ большинствѣ изъ поющихъ псалмы неграмотныхъ, а тѣ, которые брали штурмомъ Бастилію, были такъ мало „образованы“, что едва ли были въ состояніи читать свою революціонную газетку.

Русскіе пролетаріи и крестьяне созрѣли для революціи, для борьбы за власть, такъ какъ они идутъ на революцію, такъ какъ они готовы взять государственную власть и не боятся борьбы.

Взятіе всей политической власти въ странѣ, взятіе государственной власти,—одно и то же. Революція не можетъ удовлетвориться тѣмъ, что захватываетъ въ свои руки политическую власть, она должна и въ экономіи и въ соціальной области философствовать молотомъ, чтобы выковать имъ нѣчто новое изъ Россіи.

Соціальное содержаніе этой революціи есть ея жизненная необходимость. Совѣтская власть, передастъ крестьянамъ землю, рабочему классу контроль промышленности, перевороты, которымъ поперекъ дороги становятся горы трудностей, но которые придаютъ большевистскому возстанію величайшее историческое значеніе, не только для Россіи, но и для всего міра. Однимъ изъ главныхъ условій проведенія въ жизнь этой революціонной программы есть миръ. Революціонное правительство стремится къ миру, оставаясь на точкѣ зрѣнія, которую большевики съ самаго начала войны твердятъ массамъ: „Русскій пролетаріатъ относится непримиримо враждебно не только къ имперіализму центральныхъ державъ, но и къ имперіализму всѣхъ странъ, не дѣлая исключенія для русскаго имперіализма“.

„Русскій пролетаріатъ связанъ неразрывными узами солидарности не только съ пролетаріями союзныхъ странъ, но съ рабочими всего міра, не исключая рабочихъ центральныхъ державъ“

Вотъ точка зрѣнія революціоннаго правительства, и во имя ея оно заключило миръ

не чувствуя себя связаннымъ тайными договорами, которыми русскій имперіализмъ приковалъ „свой“ народъ и страну къ колесницѣ всемірнаго имперіализма.

Какимъ бы ни былъ въ данный моментъ исходъ геройской борьбы за миръ и власть русскаго рабочаго класса — одно ясно: эта борьба не напрасна. Она врѣжетъ глубокіе, неизгладимые слѣды въ исторіи, и не только ея побѣдное завершеніе, котораго жаждутъ пролетаріи всего міра, но даже одинъ фактъ этой гигантской борьбы разбудитъ новую творческую жизнь.

Ч 92273

С.Р. ТУТ

Издательство Всерос. Ц. И. К. Москва, Тверская, 11.